

ПРАВОСЛАВНЫЙ

СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1858.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

КАЗАНЬ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Отъ Комитета духовной цензуры при Казанской Академіи печатать дозволяется. Юля 21-го дня 1858 года.

Цензоръ, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Филаретъ.

НѢЧТО О СОВРЕМЕННЫХЪ ОТНОШЕНИЯХЪ

РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ПРАВОСЛАВНОЙ.

Не очень давно вышло у насъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Объ отношеніяхъ римской Церкви къ другимъ христіанскимъ Церквамъ и ко всему человѣческому роду. Записки Авдія Востокова.* (Спб. 1857 г. ч. I и 2). Сочиненіе это составляетъ очень важное приобрѣтеніе въ нашей духовной письменности. Близкія и вѣрныя свѣдѣнія автора о римской Церкви, добытыя тщательнымъ изученіемъ ея исторіи, ея догматовъ и установленій, равно и глубокимъ пропницаніемъ въ самый духъ этой Церкви, практически-прямой взглядъ автора на свой предметъ, обширность и разнообразіе ученыхъ познаній, сила убѣжденія и основательность доказательствъ, сильный духъ ревности о Православіи, руководящій мыслями и перомъ автора: все это дѣлаетъ сочиненіе его весьма замѣчательнымъ, а чтеніе книги занимательнымъ и поучительнымъ. Къ этому надобно прибавить живое, одушевлен-

ное изложеніе, которое авторъ умѣлъ придать своимъ мыслямъ, счастливо избѣжавъ ученой сухости, отчего чтеніе книги не только не тяжело, но и пріятно. Польза этого сочиненія, какъ въ ученomъ кругѣ, такъ и общественномъ, несомнѣнна. Дай Богъ, чтобы оно принесло всю желаемую пользу и тѣмъ читателямъ, которыхъ найдетъ (а безъ сомнѣнія найдетъ, потому что не теряетъ ихъ изъ виду) внѣ православной Церкви.

Авторъ, говоря объ отношеніяхъ римской Церкви къ другимъ христіанскимъ Церквамъ, начинается съ современныхъ отношеній Рима къ Церкви восточной, особенно же къ нашей отечественной. Это придаетъ сочиненію особенное значеніе. Мы, не входя въ разборъ частныхъ сторонъ сочиненія, послѣдуемъ за авторомъ на его главную точку зрѣнія и, въ связи съ основными мыслями его, изложимъ нѣсколько своихъ замѣчаній.

Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: «не смотря на духъ кротости, миролюбія и терпѣнія нашей Церкви, пастырей и послѣдователей ея, на Западѣ издано въ предшествовавшіе вѣка послѣдователями различныхъ христіанскихъ вѣроученій, преимущественно же издается въ наши времена, такое множество книгъ противъ ученія восточной Церкви, что ихъ трудно было бы даже пере-

честь, не только оцѣнить по достоинству. Такія книги вообще наполнены клеветами, баснями, порицаніями, очевидными вымыслами и лжами, а особенно умственными, ядовитыми хитросплетеніями, съ очеидною цѣлію образовать въ Европѣ духъ, враждебный восточной Церкви, особенно нашему отечеству, и, поколебавъ вѣроученіе нашей Церкви, совратить простыхъ послѣдователей ея съ пути истинны. Но особенно вооружились противъ нее теперь такъ называемые ультрамонтанисты, или писатели латинской Церкви, провозглашающіе господство своего папы и частной римской Церкви надъ всѣми правительствами, частными Церквами и народами міра. Правда, что съ ученіемъ ультрамонтанизма не совсѣмъ согласны и писатели латинской Церкви, состоящіе въ Италіи, наприм. въ Австріи, Баваріи и въ самой Франціи; но ультрамонтанизмъ, распространяемый и усиливаемый въ наше время езуитами, преимущественно во Франціи, пользуясь повсемѣстнымъ распространеніемъ французскаго языка, посредствомъ сочиненій на этомъ языкѣ, съ какою-то лихорадочною дѣятельностію усиливается повсемѣстно насадить свой образъ мыслей, особенно же возстаетъ противъ вѣроученія и іерархическаго устройства восточной Церкви, не щадя для этой цѣли самыхъ чудовищныхъ вымысловъ,

очевидныхъ лжей и безсовѣстнаго искаженія историческихъ истинъ Наконецъ, эти сочиненія темными путями стали проникать и въ наше отечество, по всей вѣроятности дѣйствіемъ ультрамонтанизма, который теперь съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ старается усилиться привлеченіемъ на свою сторону, какъ можно болѣе, послѣдователей своего образа мыслей. Притомъ, сіи сочиненія, враждебныя восточной Церкви, издаются подъ заманчивыми названіями, въ уютныхъ форматахъ, съ такою типографскою опрятностью, что какъ-бы невольно увлекаютъ любопытство читателей, въ числѣ коихъ найдется, конечно, и въ нашемъ отечествѣ не мало такихъ, которые, имѣя поверхностное понятіе о предметахъ христіанскаго вѣроученія, не могутъ не увлечься мыслями, противными истинѣ. Сверхъ того, проживающіе въ нашемъ отечествѣ нѣкоторые иновѣрцы, обращаясь съ послѣдователями нашей Церкви, не опускаютъ случаевъ предлагать возраженія противъ ея догматовъ, или привлекать къ чтенію книгъ, составленныхъ въ духѣ, враждебномъ ея вѣроученію. *Итакъ очевидно, что руководствуемые нашею Церковію находятся теперь въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ были правовѣрующіе христіане первыхъ четырехъ вѣковъ Христі-*

анства, когда еретики и невѣрные усиливались всевозможными хитросплетеніями поколебать ученіе церкви Христовой.—Въ противоположность ученію и дѣйствіямъ ультрамонтанизма издается настоящая книга. (Предисловіе стрр. IV—VII).

Такой взглядъ дѣлаетъ авторъ на современные отношенія папизма къ православной Церкви. Читая эти строки, можно бы подумать, что наша Церковь находится въ великой опасности... Но, съ другой стороны, можно сомнѣваться, чтобы почтенный авторъ въ точномъ смыслѣ признавалъ состояніе нашей Церкви подобнымъ состоянію Церкви первыхъ вѣковъ среди ересей и гоненій, т. е. въ такой же, или почти въ такой же степени, страдательнымъ. Авторъ, конечно, хотѣлъ только сказать, что и въ настоящее время православная Церковь подвергается кознямъ враговъ, какъ и въ первыя времена. Да, когда Церковь была свободна отъ этихъ козней? Когда истина не подвергалась навітамъ и всевозможнымъ нападеніямъ лжи? А чтобы судить о значеніи и силѣ этихъ навітовъ, и отсюда выводить заключеніе о степени опасности, угрожающей отъ нихъ Церкви, надобно обратить вниманіе на существенное различіе между ультрамонтанизмомъ и ересями первыхъ вѣковъ. Ереси тѣхъ временъ были весьма опас-

ны для Церкви и производили въ ней сильнѣйшія, бѣдственныя потрясенія, прежде всего потому, что возникали изнутри самой Церкви, зараждались въ важнѣйшихъ истокахъ ея внутренней жизни, развивались и дѣйствовали въ главнѣйшихъ членахъ, и даже самыхъ жизненныхъ органахъ ея собственнаго тѣла. Извѣстно, что основателями и предводителями ересей были наибольшую частію высшіе члены церковной іерархіи. За тѣмъ, особенную силу придавали ересямъ два обстоятельства, въ какихъ находилась сама Церковь: первое—собственные, внутреннія неустройства въ самой Церкви, происходившія главнымъ образомъ отъ недостатка твердости и опредѣленности въ порядкѣ церковнаго управленія, и въ особенности отъ нетвердости и неопредѣленности взаимныхъ отношеній между властями церковною и государственною и значенія послѣдней въ дѣлахъ Церкви; второе—то, что православная вѣра еще не вполне проникла въ народность христіанъ, (въ духъ и формахъ которой еще много было до-христіанскаго), и не соединялась съ нею въ такой степени, чтобы дѣла вѣры становились дѣлами жизни народной, духъ вѣры—духомъ народнымъ; дѣла вѣры, правда, были дѣлами общественными, но только общественными, а не народными, и не входили въ соотношеніе съ народ-

ными интересами. Такимъ образомъ, и ереси, не касаясь народности, ея духа, ея чувствъ и интересовъ, а только возбуждая толки и мнѣнія, тѣмъ свободнѣе и безпрепятственнѣе развивались и дѣйствовали ко вреду Церкви. Подъ вліяніемъ ересей, христіанскій народъ легко раздѣлялся на разныя религіозныя общества (партіи); но въ его жизни народной отсюда ничего не измѣнялось. Аріане, македо-ніане, несторіане, монофизиты и монофелиты были одни и тѣже византійцы или александрійцы и составляли одно и то же гражданское общество; не рѣдко въ одномъ семействѣ были: отецъ и мать аріане, а изъ дѣтей—одни православные, другіе—аномени, несторіане, и пр. Гражданское правительство также нерѣдко, не стѣсняясь ни чѣмъ, не находило никакого вреда ни для себя ни для народа—терпѣть, даже покровительствовать ересямъ.

То ли въ наше время, въ нашей Церкви? Ультрамонтанизмъ не очень страшенъ для православной Церкви, прежде всего потому, что это—врагъ внѣшній, чужесторонній, а не внутренній, не домашній; всѣ его козни и нападенія на нашу Церковь приражаются къ ней отвнѣ, а не внутри ея зачинаются. Потомъ, православная вѣра въ Россіи—вѣра господствующая, торжествующая, крѣпкая столько же всею строгостію первоначальнаго, апостоль-

скаго и отеческаго ученія, сколько и неизмѣнною чистотою неповѣданія во всей Россіи, во все времена ея; она составляетъ историческій завѣтъ Россіи, ненарушимо сохраненный отъ самаго начала въ ней Христіанства, неприкосновенное достояніе и святыню русскаго духа, который съ нею сроднился въ своихъ коренныхъ идеяхъ и чувствахъ, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, общественныхъ и частныхъ; это—основная, народная сила, развитая и окрѣпшая въ исторической жизни народа; она охраняется самодержавною властію, для которой самой составляетъ коренной законъ; она ограждается всеми законами государства. При такихъ основаніяхъ православной вѣры въ Россіи, много ли можетъ сдѣлать много ли опасенъ для нея ультрамонтанизмъ, съ его толщами брошюрами, наполненными, по собственнымъ словамъ нашего автора, только чудовищными вымыслами, очевидными лжами и безсовѣстнымъ искаженіемъ историческихъ истинъ?—Авторъ, въ особенности, высказываетъ свои опасенія за *простыхъ послѣдователей* нашей Церкви, или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, за *немогущихъ братьевъ нашихъ*. Если здѣсь разумѣть простой народъ, или вообще массу народа, то можно необинуясь сказать, что духъ нашего народа въ дѣлѣ вѣры составляетъ для нея не-

обычайную силу: это такая неодолимая скала, которой не сокрушить, но о которую скорѣе всего сокрушится всякій ультрамонтанизмъ. Православіе такъ глубоко и твердо укоренено въ духѣ нашего народа, что коснуться перваго значить касаться послѣдняго, и поколебать первое иначе нельзя, какъ потрясти послѣдній. Это истина несомнѣнная; но, что касается собственно ультрамонтанизма, то ни къ какому другому вѣроисповѣданію русскій народъ не питалъ и не питаетъ такого неодолимаго отвращенія, какъ папизму: для нашего народа папизмъ и басурманство всегда были почти одно и то же; все, несогласное съ Православіемъ, народъ называетъ безъ различія—*латынствомъ*. «Всѣхъ убо вѣрь еретическихъ сквернѣйши и лютейши: понеже всѣхъ древнихъ еллинскихъ и жидовскихъ и агарянскихъ и еретическихъ вѣрь ереси проклятыя въ законъ свой пріѣша (латины). И со всѣми погаными языки и съ проклятыми со всѣми еретиками обще все дѣйствуютъ и мудрствуютъ». Такое понятіе о латинахъ высказывалось у насъ (да еще не простымъ народомъ) именно въ борьбѣ русской *народности* съ западнымъ коварствомъ и насиліемъ, во времена самозванцевъ. Извѣстно, что даже мысль объ антихристѣ, наиболѣе ходячая въ нашемъ народѣ, постоянно привязывалась у насъ къ Ри-

му и къ папскому престолу. Самого папу нерѣдко называли у насъ *стрыемъ антихристовымъ*. Даже мѣстныя церковныя исправленія русскій расколъ признаетъ и называетъ—*папешствомъ*, а виновника ихъ Никона—*папешемъ проклятымъ*, и проповѣдуетъ, что православная Церковь послѣ Никона вдалась въ латынство. Это фактъ замѣчательный:—но это фактъ историческій; во всей исторіи Россіи, во всѣхъ періодахъ и эпохахъ ея, оказывается это неодолимое гнушеніе латынствомъ. Наконецъ почти всѣ письменные памятники (церковные) прежнихъ временъ Россіи,—догматическіе, каноническіе, историческіе, проповѣдническіе и другіе, наполнены полемикою противъ папизма. Замѣчательно также, что въ разныхъ ересяхъ и расколахъ русскихъ можно находить слѣды ересей и расколовъ западныхъ: но ни въ одной русской сектѣ нѣтъ ничего похожаго на папизмъ.

Между тѣмъ, какъ много значить въ дѣлѣ вѣры духъ народа, это, кромѣ того, что само по себѣ понятно, засвидѣтельствовано современными намъ отцами греко-восточной Церкви, которые въ своемъ окружномъ посланіи, отвѣтномъ на извѣстное посланіе папы Міа IX (6 января 1848 г.) къ восточнымъ христіанамъ, писали: «у насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести (въ Церковь) что

нибудь повое; потому что хранитель благовѣрія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною и согласною съ вѣрою отцовъ его, какъ это испытали многіе и изъ папъ, и изъ латинствующихъ патріарховъ, со времени раздѣленія (восточныхъ и западныхъ христіанъ) нѣсколько не успѣшіе въ своихъ противъ нея покушеніяхъ. — Тоже во всей силѣ можно и надобно сказать о нашемъ народѣ. Французскій языкъ, заманчивыя названія книжекъ, издаваемыхъ ультрамонтанизмомъ, ихъ уютный форматъ, типографская роскошь, всѣ эти орудія ультрамонтанизма, на которыя указываетъ авторъ, для нашего народа не слишкомъ сильныя орудія. Если же въ сѣти папизма и впадаютъ иногда нѣкоторыя души: то какія это души? Это люди, еще прежде увлеченія въ папизмъ, не принадлежавшіе Россіи, ни по вѣрѣ, ни по духу, ни по нравамъ, ни по образу жизни, ни по чему; да и увлекаются они обыкновенно за границею, а не въ отечествѣ. *Изыдоша отъ насъ, но не бѣша отъ насъ...* Это болѣею частию такіе люди, въ которыхъ бурныя страсти и всякія безразсудства жизни отсаждаютъ на днѣ души мутную воду мрачныхъ и смятенныхъ чувствъ возмущенной совѣсти, и въ этой мутной водѣ слугамъ папизма очень не трудно ловить пищу

для своей езуитской пропаганды. Это тѣмъ, самъ собою извергающійся изъ вѣдръ православной Церкви. Эти люди становятся даже, въ свою очередь, *езуитами* и пишутъ езуитскія книжки противу отечественной Церкви. Вотъ доказательство, что въ ихъ отступленіи совѣмъ нѣтъ ни размышленія, ни религіозныхъ убѣжденій, что это дѣло слабomyслия и мутной совѣсти: потому что—какой же умный и совѣстливый человекъ (не говоря уже о религіозномъ) можетъ сдѣлаться езуитомъ?—Но страшно ли это для отечественной Церкви? Это жалко, грустно, но отнюдь не страшно. Всѣ неутомимые ревнителѣ западной Церкви ошибаются въ своихъ расчетахъ о русской Церкви, потому, что не знаютъ русскаго духа въ отношеніи—именно къ ихъ папизму. Для вразумленія ихъ не худо бы перевести на какой нибудь современный языкъ нашу старинную полемику противу Рима, именно отъ тѣхъ временъ, когда папизмъ явно приражался къ нашей Церкви въ своихъ коварствахъ и насиліяхъ. Это было бы самое сильное слово русскаго народнаго Православія къ Риму и лучшій отвѣтъ на знаменитую брошюру: «*La Russie sera-t-elle catholique*»?

Въ другомъ мѣстѣ своего предисловія (стр. II) авторъ нашъ говоритъ: «вообще кротость, мягкость въ обращеніи, снисходитель-

ное терпѣніе заблудшихъ, благодушное ожиданіе обращенія на путь истины уклонившихся отъ нея, составляютъ столь отличительныя свойства пастырей нашей отечественной Церкви, что въ храмахъ ея никогда почти не слышно словъ, направленныхъ противъ разномыслящихъ въ ученіи вѣры. Изрѣдка только чрезвычайно важныя обстоятельства заставляютъ знаменитѣйшихъ нашихъ пастырей возвысити иногда голосъ въ защиту какой либо истины, но и то въ самыхъ кроткихъ, нимало неоскорбительныхъ для противниковъ Церкви, выраженіяхъ». Такія черты авторъ совокупляетъ намѣренно—для того, чтобы тѣмъ разительнѣе выставить противоположность въ духѣ римской іерархіи, отличающемся нетерпимостію, фанатизмомъ и самымъ беспокойнымъ прозелитизмомъ. Но не должно преувеличивать силу выраженій автора, чтобы не обратить ихъ не въ пользу отечественныхъ пастырей. На иной взглядъ выраженія: *«мягкость, снисходительность, терпѣніе, благодушное ожиданіе,—почти никогда не слышно, только изрѣдка,—только чрезвычайно обстоя-*

тельства заставляютъ» и т. д.: такія выраженія могутъ подавать мысль о недостаткѣ энергіи и ревности, даже о равнодушіи.... Нѣтъ! На этотъ предметъ можно взглянуть ближе. Если на нашихъ церковныхъ кафедрахъ рѣдко

слышится полемика противу другихъ вѣроисповѣданій: то это имѣетъ свои разумныя основанія: во 1-хъ) народъ нашъ, всею душою преданный своей вѣрѣ, строго сохраняющій правила своей Церкви, мирно пасется на покойной пажити праотеческихъ преданій и равнодушно смотритъ на другія вѣроисповѣданія: къ чему же бить тревогу? Напрасная тревога можетъ только распугать овецъ. Положимъ, что и волки рыскаютъ; но если волки бродятъ только по лѣсамъ, или по окраинамъ нашихъ полей, и наши овцы не тревожатся: не довольно ли быть только на стражѣ, вѣрной и бдительной, и не смыкать глазъ, не оставлять овецъ безъ надзора? А необходимо ли поднимать шумъ?—Во 2-хъ) есть два рода защиты вѣры: отрицательный, каковъ и есть полемическій, состоящій въ обличеніи и опроверженіи противныхъ вѣрѣ ученій, и положительный, заключающійся въ точномъ изложеніи православнаго ученія, со всѣмъ убѣжденіемъ въ его истинности, безъ состязаній съ противомыслящими. Послѣдній способъ, наиболее свойственный духу православной Церкви, есть и самый вѣрный и надежный; напротивъ, ничто столько не способствуетъ развитію иномыслія, какъ споры; споры очень не рѣдко имѣютъ совсѣмъ противныя цѣли послѣдствія: укореняютъ заблужденія и колеблютъ убѣжденія въ

истинѣ. У насъ мало полемики; но у насъ преобладаетъ положительный способъ утвержденія православной вѣры. Особенно въ послѣднее время, катихизическія поученія, содержащія въ себѣ положительное изъясненіе православныхъ догматовъ, распространены почти повсюду въ отечественной Церкви. Это полезнѣе всякой полемики; и состоянію вѣры господствующей, крѣпкой своею внутреннею, духовною силою, мирно почіющей въ духѣ народа, этотъ способъ охраненія вѣры наиболѣе приличествуетъ.—Въ 3-хъ) церковная кафедра не единственное мѣсто для богословской полемики, и можетъ быть даже, во многихъ отношеніяхъ, не совсѣмъ удобное и не всегда приличное. Напримѣръ, мы думаемъ, что для нашего народа слишкомъ странно было бы слышать въ своихъ церквахъ открытую полемику противъ папы... Онъ ходитъ въ церковь не за тѣмъ, чтобы заниматься тамъ панюю и спорить съ нимъ. Наша Церковь, наша кафедра не такъ, не въ такомъ духѣ устроена... Между тѣмъ, въ храмовъ, у насъ полемикъ не скучна и не слаба. Богословскія сочиненія, которыя въ послѣднее время начали выходить въ свѣтъ въ большемъ, противу прежняго, числѣ, по многимъ предметамъ не чужды полемическаго направленія; даже можно сказать, что вообще наши духовныя книги, болѣе или ме-

лге, почти всегда склоняются къ полемическому направленію, хотя бы главный предмет ихъ былъ самъ по себѣ и не полемическій. Можно указать довольно сочиненій и прямо полемическихъ, въ отдѣльныхъ книгахъ и въ статьяхъ повременныхъ духовныхъ изданій. Почтенный авторъ указываетъ только два сочиненія противу напизма, изъ которыхъ одно принадлежитъ еще началу нынѣшняго столѣтія. А относительно нашихъ духовныхъ журналовъ авторъ замѣчаетъ, что статьи ихъ читаются *только подписчиками ихъ*: но въды и книги читаются только тѣми, кто захочетъ купить ихъ, и проповѣди въ церквахъ слушаются только тѣми, кто придетъ въ церковь! А если угодно, можно указать еще фактъ, не лишенный значенія и вообще, а тѣмъ болѣе для насъ и для нашей кафедры. Римское ученіе о папѣ, о томъ, что папа есть всемірная глава Церкви и самодержавный духовный владыка надъ всѣми Церквами, правительствами и народами, это ученіе,—изчадіе тьмы среднихъ вѣковъ, въ нашъ вѣкъ оказывается уже само по себѣ несостоятельнымъ, устарѣвшимъ и отсталымъ; теперь оно принадлежитъ уже исторіи и, какъ совсѣмъ песовременное, смѣло можетъ быть причислено къ авахронизмамъ. Въ настоящее время и сами латины (разумѣется, лучшіе и просвѣщеннѣйшіе) плохо вѣрують въ

главенство папы, даже въ догматическомъ его смыслѣ; а о практическомъ его приложеніи и говорить печего. Видно, что много они вѣрують въ своего папу, когда даже въ догматическихъ его постановленіяхъ, слѣдовательно такихъ, въ которыхъ авторитетъ его для нихъ долженъ быть непререкаемъ, публично обличаютъ папу во лжи, заблужденіяхъ, въ незнавіи св. Писанія, въ искаженіи мыслей св. отцевъ, и т. д.; когда берутъ на себя, какъ говорятъ, *«скромный (!) трудъ разсѣивать заблужденія папы и тотъ духъ преобладанія, который, подъ предлогомъ ложнаго единства, стремится только подавлять умы и вводитъ темный матеріализмъ формы на мѣсто животворнаго свѣта истины»* ⁽¹⁾. Если сами латины такъ разумѣють папу и папизмъ, съ чего же православнымъ много заниматься имъ и пугать самихъ себя этимъ призракомъ?—Да и то надобно сказать, что ученіе римской Церкви давно уже изслѣдовано и перизслѣдовано. Кто не знаетъ

(1) Слова одного изъ современныхъ западныхъ писателей въ брошюрѣ: *Etudes sur le nouveau dogme de l'immaculée conception... publiés par les auteurs des essais sur la reforme catholique. Paris. 1857.* Въ русскомъ переводѣ см. въ «Христ. чтеніи» нынѣшняго года.

тѣхъ доводовъ, какими догматы папизма утверждаются, и тѣхъ, которыми они, со стороны Православія, опровергаются? Сколько бы мы ни пересматривали эти догматы, всегда надобно повторять одно и тоже, давно извѣстное. Слѣдовательно, если пѣтъ слишкомъ настоятельныхъ побужденій къ состязанію съ папистами, то и не удивительно, что не слишкомъ часто въ нашей Церкви возвышается голосъ противъ нихъ. Есть для насъ и для нашихъ пастырей дѣла поближе и поважнѣе папства.

Въ томъ же тонѣ авторъ замѣчаетъ, что «даже въ нашихъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ наставники ограничиваются историческимъ изложеніемъ вѣры, указаніемъ времени, въ которое появилось какое либо новое, противное древнему, ученіе, приведеніемъ въ защиту истины свидѣтельствъ слова Божія и отцевъ Церкви» (Пред. стр. III). Конечно это и нужно и достаточно для защиты истины и для опроверженія заблужденій. Но у автора главная мысль—полемика. Онъ продолжаетъ: «бываетъ и то, что когда воспитанники академій и семинарій сами порываются писать разсужденія о неосновательности мнѣній, противоположныхъ догматамъ восточной Церкви, начальники и наставники удерживаютъ юношескій порывъ, внушая воспитанникамъ, что самая благовадежная защита Православія со-

стоитъ въ обузданіи собственныхъ страстей и въ образѣ жизни, согласномъ съ волею Божіею» (тамже). Почтенному автору, повидимому, не извѣстенъ методъ преподаванія наукъ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, или онъ говоритъ о какомъ нибудь давно-прошедшемъ времени. Въ настоящее время полемика противъ пновѣрныхъ ученій весьма значительно развита и усилена въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ академіяхъ, и составляетъ даже особую науку, въ которой эти ученія не только исторически излагаются, но и въ своихъ подробностяхъ догматически разсматриваются и всевозможными доводами опровергаются. Полемическій характеръ проникаетъ даже почти во все богословскія науки, потому что изложеніе православной вѣры, въ отношеніи догматическомъ, нравственномъ, обрядовомъ, каноническомъ, почти всегда и какъ-бы невольно встрѣчается съ противоположными мнѣніями. Что касается упражненій воспитанниковъ, то извѣстно, что воспитанники не сами себѣ задаютъ письменныя упражненія; а наставники даютъ имъ,—и очень нерѣдко,—задачи именно полемическія, съ цѣлію—пріобучить ихъ къ опроверженію ложныхъ мнѣній. Даже окончательныя сочиненія воспитанниковъ академій, составляемыя для полученія ученыхъ, академическихъ степеней,

очень часто имѣють полемическое настроеніе. А внушеніе, что наилучшее свидѣтельство истинны есть жизнь, сообразная ученію истины, это внушеніе—само по себѣ; это коренное начало всего духовнаго воспитанія и приготовленія воспитанниковъ къ служенію Церкви: но оно отнюдь не исключаетъ и не стѣсняетъ полемики. Вообще говоря, наши духовные воспитанники выходятъ изъ учебныхъ заведеній съ достаточнымъ запасомъ всевозможнаго оружія противъ ересей, такъ что въ состояніи не только понимать и обсуживать иновѣрные ученія, но и основательно опровергать ихъ.

Мы остановились на мысляхъ автора, изложенныхъ въ предисловіи, потому, что эти мысли выражаютъ взглядъ его на свой предметъ. Онъ высказываетъ тутъ свое понятіе о состояніи православной Церкви въ отношеніи къ папизму. Наконецъ въ заключеніи своей книги авторъ пишетъ, что онъ составилъ свои записки съ тѣмъ,—«чтобы доставить чадамъ православной Церкви *противоядіе* противъ козней латинской пропаганды и чтобы въ писателяхъ сей Церкви, имѣющихъ силы и средства, возбудить ревность къ изданію книгъ, для спасенія православныхъ, простыхъ сердцемъ, отъ *прелести* латинства». Такимъ образомъ у автора въ виду—полемика и полемика: полемикѣ противъ папства желалъ бы онъ развитъ

и усилить въ отечественной Церкви. Безъ сомнѣнiя, скажемъ и мы съ авторомъ, православные пастыри не могутъ оставаться равнодушными свидѣтелями того, какъ сочиненiя западныхъ писателей противъ восточной Церкви *темными путями* проникаютъ въ наше отечество и завлекаютъ читателей. Тутъ нужно *противоядiе* и, конечно не *темное*, (потому что истина не терпитъ тьмы и не нуждается въ ней, какъ ложь), а явное, гласное. Но собственно для православной Церкви въ чемъ должна заключаться сила этого *противоядiя*? Въ томъ ли, чтобы отравлять чувства православныхъ ненавистiю противу латинянъ? Православная полемика должна ли только выставлять на позоръ коварныя *прелести* папизма? Въ такомъ случаѣ это не будетъ ли только взаимнымъ препирательствомъ между Церквями, раздраженною враждою, ожесточенною борьбою, безъ дальнѣйшихъ, лучшихъ видовъ для той и другой стороны? Наконецъ не будетъ ли это только продолжать и усиливать несчастное раздѣленiе между ними? Полемика православной Церкви должна имѣть духъ и цѣль болѣе возвышенныя. Духъ Христовъ, духъ самой Церкви, даже духъ современнаго просвѣщенiя и образованныхъ правовъ побуждаютъ искать единенiя; но единенiе возможно только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ духъ мира и христіанской

любви. Самъ почтенный авторъ высказываетъ мысль, что «если бы писатели восточной и западной Церкви, *не подавляя истины ложью*, старались безпристрастно, непререкаемыми доказательствами и свидѣтельствами исторіи, уяснить тѣ предметы вѣроисповѣданія, по которымъ онѣ раздѣляются: то, при содѣйствіи благодати Божіей, сіи Церкви снова соединились бы» (введ. стр. 7). Вотъ единственная, достойная православной Церкви, полемика! Къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, какого времени писателей (прошедшаго, или настоящаго, или будущаго) надобно разумѣть въ его словахъ: это нужно было бы особенно въ отношеніи къ восточнымъ писателямъ, которыхъ здѣсь онъ заподозрѣваетъ *въ подавленіи истины ложью*, также, какъ и западныхъ. Но и тутъ возникаетъ еще вопросъ, чрезвычайно важный: дѣйствительно ли и въ какой степени писатели съ той и другой стороны могли бы привести обѣ Церкви къ желаемому соединенію? И вообще: единенія народовъ въ вѣрѣ рѣшительно ли можно ожидать отъ *писателей*? Во 1-хъ) исторія показываетъ, что въ продолженіи десяти вѣковъ раздѣленія писатели той и другой Церкви не помогли соединенію ихъ, а раздѣленію способствовали—и очень много. Все дѣло въ *безпристрастїи* и не-

пререкаемости, о которыхъ говорятъ авторъ и которыя легче предполагаются, чѣмъ соблюдаются. Извѣстно, что религіозные споры, также какъ и религіозныя войны, бываютъ всегда упорнѣе, раздражительнѣе и ожесточеннѣе всякихъ другихъ споровъ и войнъ. Это потому, что тутъ люди спорятъ не за вещественные свои интересы, а за свои убѣжденія, за свою совѣсть, за основныя идеи жизни.—Во 2-хъ) въ настоящее время, по ходу дѣлъ человѣческихъ, вопросъ о единеніи вѣръ есть вопросъ не догматическій только и слѣдовательно не книжный только, а вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, практический, народный; это вопросъ не умовъ только мыслящихъ и сердецъ религіозныхъ, даже не Церквей только и ихъ вѣроисповѣданій, а вопросъ и государствъ и народовъ, не частный, или мѣстный, а всеобщій, міровой. Подобные вопросы въ исторіи не рѣшаются одними писателями... Въ 3-хъ) самъ же авторъ чрезъ нѣсколько строкъ пишетъ: «къ прискорбію, желаемое соединеніе потому особенно *чрезвычайно затруднительно и едва ли возможно*, что римская Церковь ученіе о управленіи вселенскою Церковію (т. е. о папскомъ главенствѣ) и вѣру въ него считаетъ однимъ изъ главныхъ, если не первымъ своимъ догматомъ» (стр. 7—8). Къ этому можно прибавить, что и вся сущ-

ность и сила римскаго католичества заключается въ идеѣ папскаго главенства, и эта идея составляетъ не догматическое только, или книжное ученіе на Западѣ, но и практику западной Церкви, ея основу и во внутренней жизни и во внѣшнихъ отношеніяхъ къ едино-вѣрнымъ государствамъ. Это для нея вопросъ жизни и смерти. Римскому католичеству отказаться отъ идеи папскаго главенства значило бы самому на себя наложить руки. Нѣтъ! Единеніе вѣры есть плодъ не писательскаго пера, а христіанской жизни, не ученой полемики, а любви Христовой. Когда народы путемъ истиннаго просвѣщенія и добра войдутъ дѣятельно въ духъ Христіанства, когда усвоятъ и раскроютъ въ своей жизни всю силу любви христіанской: тогда само собою прекратится и раздѣленіе вѣры и народы составятъ единое стадо единаго Пастыря.

Къ слову о писателяхъ: вотъ настоящее сочиненіе нашего писателя способствуетъ ли единенію Церквей? Въ такомъ ли духѣ и направленіи оно написано? Авторъ, желающій соблюсти вѣрныя души *отъ злыхъ дѣла-телей*, блюдетъ ли самъ себя отъ *стыченія*, т. е. отъ всякихъ поводовъ, съ своей стороны, къ усиленію вражды и раздѣленія? Предоставляемъ эти вопросы собственному размышленію

автора и усмотрѣнію другихъ читателей. Мы замѣтимъ только, что авторъ, глубоко убѣжденный въ несправедливости римскаго ученія о папѣ, сильно проникнутый чувствомъ злоупотребленій папской власти, поставилъ себѣ задачею—открывать и преслѣдовать эти несправедливости и злоупотребленія во всемъ: въ догматахъ, обрядахъ, канонахъ, во всей исторіи римской Церкви, также какъ въ личныхъ дѣйствіяхъ папъ, особенно по отношенію къ другимъ Церквямъ и разнымъ народамъ. Поставивъ именно зло въ римской Церкви главнымъ для себя предметомъ, авторъ со всѣмъ увлеченіемъ непріятно возбужденныхъ противу папизма чувствъ, которыхъ и не скрываетъ, предается самой усиленной полемикѣ. Не естественно ли, что при такомъ направленіи онъ уже не можетъ оставаться спокойнымъ мыслителемъ и хладнокровнымъ писателемъ? Не удивительно, если и читателю, не увлеченному раздраженіемъ чувствъ, при болѣе спокойномъ и хладнокровномъ разсмотрѣніи, иное можетъ казаться не совсѣмъ такъ, какъ представляется на взглядъ автора. Такимъ образомъ безпристрастному читателю не можетъ не показаться страннымъ, что авторъ не оправдываетъ въ римской Церкви и такихъ дѣйствій, которыя, независимо отъ духа зла, преслѣду-

емаго въ ней авторомъ, могутъ, повидимому, имѣть въ самихъ себѣ свои мѣстныя основанія, или даже общія, повсемѣстныя: какъ, напримеръ, авторъ не оправдываетъ въ римской Церкви того, что епископы латинскіе утверждаютъ въ своемъ санѣ папою, (хотя вполне оправдываетъ то, что на Востокѣ константинопольскіе патріархи утверждаютъ турецкими султанами), что папа своимъ епископамъ и всѣмъ подчиненнымъ не вѣрить на слово, а требуетъ отъ нихъ присяги. Авторъ не одобряетъ въ римской Церкви и того, что есть также и въ восточной. Такъ, напримеръ, авторъ пишетъ: «по ученію латинскихъ богослововъ, нанесеніе удара или причиненіе обиды кому бы то ни было изъ клира Церкви считается святотатствомъ, отъ котораго разрѣшать папы предоставили самимъ себѣ. За причиненіе тяжкой обиды высшему духовному сановнику, виновный, по канонамъ латинской Церкви, немедленно подвергается отлученію отъ Церкви. *Какъ это далеко отъ изреченія Спасителя: аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую*» (ч. 2. стр. 66, 67). Почтенному автору неужели не извѣстно, что на восточныхъ соборахъ за такое преступленіе положена *анафема*? А апостольскія правила и причетнику,

за личное оскорбленіе даже священника, или даже діакона, опредѣляютъ отлученіе церковное. Эти постановленія внесены въ общій церковный канонъ: стало быть, они приняты всею Церковію ⁽¹⁾.

—

(1) *Апост. прав.* 56; *собора константинопольскаго* 879 г. правило 3. см. въ *книжъ правилъ* изд. ев. Синода.

ОГЛАВЛЕНІЕ

третьей части

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

на 1838 годъ.

страниц.

Обозрѣніе древнихъ формъ помѣ-
стнаго церковнаго управленія . . . 3, 149 и 259.

Начало уніи въ югозападной Рос-
сіи (окончаніе) 81 и 200.

Лука Канашевичъ, епископъ ка-
занскій (окончаніе) 232 и 464.

Арсеній Грекъ при патріархѣ Ни-
конѣ 328.

Историческія свѣдѣнія о молокан-
ской сектѣ 42 и 291.

Бесѣды священника съ расколь-
никами о святыхъ тайнахъ, по старин-
нымъ книгамъ 176 и 440.

Казанская чудотворная икона Бо-
жіей Матери 391.

**Нѣчто о современныхъ отношені-
яхъ римской Церкви къ православной . . . 413.**

**Горчичное сѣмя. Евангельская
притча 120.**

Бесѣда при началѣ ученія 354.

**Слово о духовномъ просвѣщеніи
Россіи 501.**

**Памятники древне-русской духов-
ной письменности:**

**1) житіе преподобнаго Авраамія
смоленскаго 136 и 369.**

**2) преподобнаго Феодосія печер-
скаго поученіе объ умѣренности
въ застольномъ питъѣ 255.**

**3) поученія о благоустройствѣ до-
машней жизни 508.**

ОПЕЧАТКИ.

<i>стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
62,	12.	Ковказѣ.	Кавказѣ.
113,	22.	законъ	законъ,
114,	1 <i>снизу.</i>	стороны что,	стороны, что
129,	2 —	совершающее	совершающееся
317,	10 —	повые.	новые.
330,	12 —	но двѣ	на двѣ
